





1

Месяцем раньше Первый день Рождества

Всего-то несколько градусов ниже нуля, а жгучий воздух режет легкие, и она поневоле останавливается, переводит дух под защитой шарфа. Гертруд Стууб с ужасом осознает, что едва не чертыхнулась, и осеняет себя крестным знамением. Взгляд все более боязливо блуждает меж лесным участком, поднимающимся к гребню горы, и узкой гравийной дорожкой, по которой она идет. Раз-другой она бегло смотрит в другом направлении. В сторону того, о чем даже думать не смеет.

У тебя просто разыгралось воображение, думает она, чувствуя, как спазм в груди отпускает. Вообще-то он не обещал прийти, это ты решила, что он придет. И все же мечешься тут, как полоумная. Она заставляет себя еще немного постоять, подышать сквозь шерстяной шарф, потом спешит дальше по бугристой дорожке, где лужи застыли зеркалами предательского льда.

Слева высится склон с голыми стволами деревьев, за которыми виден голубой силуэт Гетрюг-

гена. Склон крутой, неприступный для человека в ее годах. И в годах Фредрика. Вряд ли он настолько безрассуден, думает она, стараясь отогнать эту мысль. По другую сторону — еще хуже. В считанных метрах справа от дорожки там обрыв.

Нехотя она поворачивает голову. Пока смотришь вдаль, оно выглядит как обычное приветливое озеро, раскинувшееся под первыми утренними лучами бледного декабрьского солнца. Лесное озеро, подернутое тонким льдом. Но если всего на шаг-другой отойти от дорожки, вытянуть шею и глянуть вниз, стены карьера круто и беспощадно обрываются прямоиком в черную глубину. Гертруд с дорожки не сходит. Ничто не заставит ее добровольно подойти к краю обрыва.

— Он ведь тут каждый день ходит, — вслух произносит она и пугается собственного слабого голоса и глухой тишины, поглотившей слова. Окликнуть его по имени она не в силах, не хочет услышать, как прозвучит возглас. Если он здесь, она так или иначе его найдет.

Здесьние места ему хорошо знакомы, твердит она себе. Он точно знает, куда наступить, как и Сэмми. Оба, наверно, уже дома, он, понятно, сидит в тепле, на кухне, пьет кофе с остатками вчерашних шафранных булочек. Грешно ведь, а он и в ус не дует, не думает ни о царствии небесном, ни о преисподней. С него вполне станется. Нет, пойду обратно, хватит глупостей, думает Гертруд, бросая через плечо взгляд на проделанный путь. Хотя, поневоле признает она, теперь уж без разницы — что возвращаться, что идти дальше вокруг карьера, считай, одинаково далеко.

С тяжелым вздохом она продолжает путь в гору и вновь осеняет себя крестным знамением, прокли-

ная в душе беспечность брата вообще и полное отсутствие благочестия в особенности. Фредрик в церкви нечастый гость, ей ли не знать, однако ж к рождественской утрени ходит всегда. Невесть по какой причине самые отъявленные безбожники, которые бывают в доме Божиим разве только на свадьбу да на крестины, именно на Рождество спешат в церковь. Может, он попросту проспал.

Чуть дальше впереди уже видна площадка, где начинается дорога пошире, ведущая вниз, к шоссе. Или кончается. Много лет минуло с тех пор, как там ездили машины, и трещины в асфальте год от года становятся все шире. Ремонтировать эту дорогу нет смысла, ведь пользуются ею только те, что сваливают металлолом да мусор возле разворотной площадки, вместо того чтобы отвезти его вниз, в центр переработки поблизости от Вальбю. Прижимистые, бесчестные людишки, готовые на все, лишь бы сэкономить хоть марку. Но, пожалуй, им и то недостает наглости заявиться сюда в первый день Рождества, думает Гертруд. Кроме Фредрика, всем хватает ума держаться подальше. Нынешнюю молодежь, судя по всему, даже летом не тянет сюда на запретные купанья в опасной для здоровья воде карьера. Инстинктивно Гертруд ощупывает карман пальто — мобильник на месте. Если она упадет да расшибется, никто ее здесь не найдет, особенно в эту пору года.

Хороший будет ему урок, коли он упадет да расшибется, думает она. Не всерьез, просто чтобы он наконец уразумел, что слишком стар и нельзя ему в одиночку шастать в здешнем безлюдье. Рука опять машинально поднимается к груди в знак раскаяния в запретных мыслях, и теперь уже Гертруд зовет:

— Эгей! Фредрик!

Секундой позже она цепенеет.

От жалобного, хнычущего повизгивания ее бросает в холодный пот. И в ту же минуту, при виде чуть дальше впереди черно-белого бордер-колли, приходит осознание. Длинный поводок волочится по земле, меж тем как Сэмми отчаянно мечется по краю обрыва, на секунду-другую ложится, снова вскакивает и продолжает свои безутешные метания, рискуя в любую секунду оступиться. С виду кажется, будто пес хочет спуститься с обрыва, но звук приближающихся шагов заставляет его наострить уши и поднять голову. В следующий миг Сэмми видит Гертруд и с лаем устремляется ей навстречу. Выгнув спину, несчастный пес снует туда-сюда от Гертруд к обрыву, подгоняет ее вперед. Скрепя сердце она идет за ним и громко молится:

— Господи Боже милосердный, не оставь меня.

С дороги, где она стоит, крепко прижав варежку ко рту, брата не видно. На секунду ее захлестывает головокружительно-тщетная надежда — может, там внизу не Фредрик. Может, там всего-навсего старый изжеванный теннисный мяч, игрушка Сэмми, которую пес упрямо таскает с собой. Может, Фредрик ненароком бросил его не в ту сторону, не вверх по склону, как обычно. И когда она с замиранием сердца подходит к обрыву и вытягивает шею, его по-прежнему не видно.

Только когда Гертруд Стууб с последней тщетной мольбой ложится на живот, осторожно подползает к краю и смотрит вниз, последняя надежда тает.

2

Карен Эйкен Хорнби закрывает за собой дверь, роется в кармане куртки, достает пачку сигарет. Облокотясь на холодные лестничные перила, делает глубокую затяжку и чувствует, как сердцебиение потихоньку унимается. Пустым взглядом смотрит в пространство перед собой.

Кругом уже непроглядная тьма, хотя всего лишь полпятого, но декабрьский воздух непривычно мягок. Свет из кухонного окна озаряет землю подле большой рябины. От дециметрового слоя снега, что укрыл землю на прошлой неделе, остались считанные пятна, да и те быстро тают. То, что успевает подмерзнуть на легком морозце ночью и ранним утром, быстро вновь оттаивает под домотканым одеялом, на которое в последние дни похоже небо. Из дома сквозь закрытое окно доносится звон фарфора, смех и песенка:

*Невелик улов, рыбак?
Не кручинься, братец, так.
Водочка утешит всех,
В Рождество не выпить — грех.
Аминь!¹*

Не оборачиваясь, она знает, что семеро в доме поднимают сейчас бокалы до уровня глаз, потом опускают и пьют, все разом. Она ждет, когда бокалы со стуком поставят на стол. Ну вот.

1 Перевод Э. Венгеровой.

Черт, как же мне выдержать еще два дня, думает она.

Нигде не уединишься, не спрячешься, не побудешь наедине с собой. Большую спальню заняли мама и Харри, двуспальную кровать она уступила им с противоречивыми чувствами. Сама перебралась в соседнюю гостевую комнату и скоро, третью ночь кряду, опять попытается не замечать звуков за стеной.

Несколько недель назад, когда в дункерском пабе “Пещера” они за вином все это планировали, идея казалась хорошей. Сочельник и первый день Рождества дома у Карен в Лангевике, праздник в кругу ближайших друзей. Ведь приедут еще мама и Харри, а чем больше народу, тем веселее. Марике уверяла, что заночует на диване в гостиной и непременно привезет с собой запеченную свинину с хрустящей корочкой и красную капусту. Коре с Эйриком устроятся у Лео в садовом домике и привезут с собой селедку с хреном, слабого посола лососину под соусом и домашнюю горчицу. Мама по телефону обещала сразу по приезде испечь шафранные булочки и ржаной хлеб, а самой Карен, собственно говоря, останется только приготовить побольше можжевельного пива и водки на травах. Два дня с вкусной едой, приятной компанией и долгими прогулками по снегу, ведь он, наверно, все-таки выпадет?

Сейчас она слушает смех в доме. Ну да, все весело и приятно, в точности как планировалось. Как и должно быть. Только вот ей хочется побыть одной. И послушать тишину, хоть недолго.

Осталась всего одна ночь, ты справишься, твердит она себе, снова глубоко затягиваясь сигаретой.

Наверно, утром сразу после завтрака Коре, Эйрик и Марике уедут домой. Но мама и Харри, напоминает она себе, останутся еще на одну ночь. Самолет в Испанию только послезавтра. Целых два утра придется делать вид, будто не замечаешь, как Харри любовно похлопывает маму пониже спины, будто, стоит отвернуться, не услышишь звуков украденных поцелуев. Еще полтора суток сдерживать ехидную реплику, которая грозит сорваться с языка всякий раз, как мама называет без малого семидесятишестилетнего Харри Лампарда своим новым “бойфрендом”.

Вдобавок Сигрид.

Почему девчонка не могла остаться дома у отца? Теперь, когда после стольких лет ледяного молчания наконец начала с ним разговаривать. Рождество ведь, черт побери, надо сидеть дома с семьей, раздраженно думает Карен и с такой силой втягивает дым, что сигарета обжигает кончики пальцев.

“Я ненадолго, — весело уверяла Сигрид, когда часа три назад неожиданно появилась на кухне. — Просто решила заглянуть на минутку”.

Да еще и тепло, охватившее Карен, прежде чем она успела его остановить. Нелепая, пугающая радость, которая всегда захлестывает ее при встрече с Сигрид. Все то, чему уже нет места в ее жизни.

“Я ненадолго”. Как Сигрид собиралась проделать два километра до собственного дома на другом конце городка после двух стаканов можжевелевого пива и по меньшей мере одной рюмки водки, Карен вникать не намерена. Сегодня она не полицейская. Просто усталая женщина.

Вдобавок треклятое колено. Постоянное болезненное напоминание о том, что случилось и что

могло бы случиться. Карен опирается на правую ногу, чувствуя в бедре тянущую боль. Два месяца прошло, а она еще не вполне поправилась. Четыре недели в больнице “Тюстед”, затем реабилитация дома. Три раза в неделю мучительные визиты в Дункер, на лечебную гимнастику. Она выполняла все, что велено, покорно делала упражнения дома, по два раза каждый день. И все равно, черт побери, не может надолго нагружать левую ногу. Как же утомительно скрывать печальную правду от тех, что сидят сейчас на теплой кухне. Изнуряющая маскировка, от которой свербит в горле, неутихающая боль, выбор между еще одной таблеткой анальгетика или рюмкой водки к селедке, судорожная улыбка, нет, мне теперь совсем не больно, просто немного недостает гибкости. Мамины подозрительные взгляды.

До самого праздника Трех Святых Королей¹ она пробудет на бюллетене, всего-навсего еще двенадцать дней, взаперти в четырех стенах и с кучей ненужных мыслей. А сразу после праздников вернется на работу, хоть ползком. От продления бюллетеня, о котором говорил врач, ей, слава богу, удалось отвертеться. По крайней мере, врать я мастерица, думает она.

На секунду-другую шум становится громче, когда дверь открывают и снова закрывают, притом слишком резко, так что кухонное окно дребезжит. Не оборачиваясь, она знает: это Лео. Краем глаза видит огонек зажигалки, слышит, как он глубоко затягивается, на миг задерживает дым, выдыхает. Он протягивает пачку, и Карен берет сигарету.

¹ Праздник Трех Святых Королей — один из главных церковных праздников, отмечается на тринадцатый день после Рождества (6 января).

— Время идет, — говорит Лео. — Небольшое утешение, но все-таки.

Неужели так заметно? — думает Карен. Я-то воображала, что по моему лицу ничего не прочтешь.

— Ах, как философично, — бормочет она. — Есть еще мудрые советы?

— Алкоголь, понятно, тоже помогает. Время и выпивка. Не это ли, собственно говоря, на Рождество самое главное? — усмехается он.

Перехватив его взгляд, она пытается спрятать улыбку, но отвечает как бы с полным безразличием:

— Да уж, тебе ли не знать. Когда жил под грузовой пристанью, ты находил утешение в алкоголе и неумолимом ходе времени?

— Само собой, не в женщинах и не в песнях.

Оба молча курят. В окно Карен видит, что Эйрик с Марике начали убирать со стола, а Харри немойтой кружкой наливает воду в кофеварку. Она вздыхает.

— Хороший мужик, — говорит Лео. — Твой новый отчим.

От дыма першит в горле, и она, закашлявшись, фыркает:

— Отчим? Ну, ты, пожалуй...

— И Элинор счастлива, — продолжает он.

— Спасибо, это я поняла. Стены тонкие.

Лео делает затажку, молча смотрит в темноту.

— Можешь перебраться ко мне завтра, когда Коре с Эйриком уедут, — говорит он немного погодя.

— К тебе?

— Да, по их словам, диван вполне удобный, если подложить несколько подушек на железяку, которая буравит поясницу. В крайнем случае хватит места и на моей кровати.

Она удивленно косится на Лео: это совсем на него не похоже. И вообще, не похоже на него участвовать в рождественском празднике, выпивать под застольные песни и слушать рассуждения Харри о том, как перестроить чердак или хорошенько утеплить сарай, чтобы стало больше места. Ничуть не догадываясь о растущем недовольстве Карен, Лео и Харри продолжали, наполнив рюмки, строить планы насчет ее дома. С чего ей начинать, во сколько все обойдется, насколько поднимется стоимость дома теперь, когда старые рыбацкие усадьбы в Лангевике растут в цене. Особенно такие, как у Карен, с собственным причалом и лодочным сараем.

Для Харри Лампарда подобные рассуждения, вероятно, вполне естественны: мама говорила, что до выхода на пенсию и переезда на испанское побережье он держал в Бирмингеме успешную строительную фирму. Но чтобы Лео Фриис сидел и с интересом слушал...

Много ли он, черт побери, знает про изоляцию, кровельные материалы и несущие стены? — думает Карен и гасит о перила недокуренную сигарету. Хотя много ли я знаю про Лео Фрииса? — тотчас же думает она. Всего месяц-другой назад он не имел крыши над головой, бродил по Дункеру с магазинной тележкой, собирал пустые бутылки.

— Значит, предлагаешь перебраться к тебе? Насколько мне известно, дом пока что мой.

Лео пожимает плечами, словно бы великодушно соглашается.

— Ну да, я его снимаю. За гроши, конечно, и настоящего контракта у меня нет, — добавляет он. — Но полагаю, ты не хочешь связываться с налоговиками...

Карен набирает в грудь воздуху.

— Не заводись, — быстро говорит он, заметив испуг на ее лице. — Я пошутил, Карен.

Секунду она недоумевает: что он имел в виду — свою кровать или налоговиков?

Он тушит сигарету в терракотовом горшке возле двери.

— Пойдем в дом?

Она нехотя отходит от перил, вздыхает:

— Время и алкоголь.